

03
4-68

Крaл

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

2000 3

ISSN 0130-5409

Письма В.И. Даля из Оренбурга

Владимир Иванович Даль более известен как автор «Словаря», чем как писатель. Возможно, поэтому его литературное наследие недостаточно изучено. Не исследована в полной мере обширная переписка писателя. Отдельные письма Даля, вернее в основном фрагменты из них, публиковались в некоторых томах «Литературного наследства», посвященных А.С. Пушкину, Н.А. Некрасову, в книге Н. Барсукова «Жизнь и труды Н.П. Погодина» (С.-Пб., 1892). Небольшие отрывки из неопубликованных писем Даля приводились в книге В.И. Порудоминского «В.И. Даль» (М., 1971), в ряде статей разных авторов.

Из эпистолярного наследия Даля жителям Урала должны быть особенно интересны письма, отправленные из Оренбурга.

В силу сложившихся обстоятельств (писатель вынужден был уехать подальше от глаз III отделения после выхода первого своего сборника «Русских сказок») В.И. Даль восемь лет (1833–1841) прожил в Оренбурге, будучи чиновником особых поручений при В.А. Перовском, и за это время основательно изучил Оренбургский край. Из Оренбурга Даль писал не только своим родственникам, но и целому ряду столичных литераторов. К этому времени Даль был уже знаком со многими писателями: А. Погорельским, родным братом оренбургского губернатора В.А. Перовского, В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным; поездки этих писателей в Оренбургский край еще более усилили дружеские отношения с ними Даля.

Литературные связи писателя значительно укрепились во время его продолжительного служебного пребывания в Петербурге зимой 1836–1837 гг. К сожалению, эта поездка была омрачена трагической кончиной А.С. Пушкина. Даль был у постели умирающего поэта, как врач старался облегчить страдания раненого. По воспоминаниям К. Данзаса, Даль до самой смерти Пушкина оставался в его доме вместе с другими друзьями поэта, и именно в последние минуты жизни Пушкин стал обращаться к Далю на «ты». В написанных впоследствии воспоминаниях о Пушкине В.И. Даль упоминает о пушкинских вещах, полученных им на память от вдовы поэта и привезенных в Оренбург — простреленном сюртуке, перстне с изумрудом, «который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — талисманом». Об этом перстне писал Даль В.Ф. Одоевскому, одному из друзей Пушкина, который был помощником поэта в редактировании и издании журнала «Современник». Когда умер Пушкин, Одоевским был написан известный некролог «Солнце русской поэзии закатилось». Именно В.Ф. Одоевскому, как наиболее близкому человеку из пушкинского литературного окружения, прислал в 1835 или 1836 г. (по предположению В. И. Порудоминского) Даль стихотворное послание Пушкину, переписанное писателем и подписанное псевдонимом Даля — «Казак Луганский». В этом послании, написанном раешным стихом (полностью оно было опубликовано исследователем Ю.П. Фесенко в журнале «Русская речь», №2, 1999), отражена литературная борьба пушкинского времени, высмеян журнал «Библиотека для чтения» и его редактор и издатель О.И. Сенковский, называемый в стихотворении «пройдохой» и «единоторжцем», готовым «заместо воды простой... продавать поганый настой».

Одоевскому (1804–1869), одному из образованнейших людей своего времени, журналисту, литературному критику, было адресовано письмо Даля «О омеопатии», опубликованное в 1838 году в «Современнике».

В.И. Даль

Среди тех, с кем В.И. Даль особенно сблизился зимой 1836–1837 гг., был А.А. Краевский (1810–1889), который с 1834 г. был помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения», в 1837–1839 гг. редактировал газеты «Литературное прибавление к «Русскому инвалиду», «Литературная газета», «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос». Краевский сотрудничал с А.С. Пушкиным (был техническим редактором пушкинского «Современника») и после его смерти поместил в своей газете (30 января 1837 г.) упоминавшийся выше знаменитый некролог В.Ф. Одоевского.

В. Даль из Оренбурга отправлял Краевскому не только свои сказки, рассказы и очерки, но писал по его просьбе рецензии (например, на произведения драматурга Г.Ф. Квитки-Основьяненко).

Когда А.А. Краевский в 1839 году после смерти А.Ф. Воейкова начал издавать свой журнал «Отечественные записки», В. Даль стал его активным сотрудником. Так, в вышедшем в том же году третьем томе журнала была опубликована повесть «Бедовик», доброжелательно встреченная критикой. В.Г. Белинский писал, что в ней «так много человечности, доброты, юмора, знания человеческого и, преимущественно, русского сердца» и что «характер героя ее — чудо».

Круг корреспондентов В.И. Даля был достаточно широк. Среди них был П.А. Плетнев (1792–1865), известный литератор, профессор Петербургского университета, один из ближайших друзей А.С. Пушкина и А.А. Дельвига, редактор «Современника» в 1838 г. Живя в Оренбурге, Даль переписывался с историком, литератором, журналистом М.П. Погодиным (1800–1875), который в 1841 г. вместе с С.П. Шевыревым начал издавать журнал славянофильского направления «Москвитянин».

Письма В.И. Даля из Оренбурга свидетельствуют не только о напряженной творческой работе В. Даля как писателя и ученого, но и о его активном участии в литературной борьбе того времени, сообщают много важных сведений о событиях, происходивших в Оренбурге, в культурной жизни оренбуржцев. Представляющие интерес как с биографической, так и с краеведческой точки зрения, оренбургские письма Даля мало известны, а многие из них, сохранившись в подлиннике, никогда полностью не публиковались. К последним относятся находящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге письма В.И. Даля к В.Ф. Одоевскому (ф.539, оп 2, № 467) и А.А. Краевскому (ф.391, № 318). Недоступна широкому читателю и упомянутая книга Н. Барсукова «Жизнь и труды М.П. Погодина» (1892), где приводятся письма Даля редактору «Москвитянина».

В.И. Даль — В.Ф. Одоевскому

5 апреля 1837 г. Оренбург

Придравшись(?) к удобному случаю, рад я поклониться Вам душою и пожать руку Вашу, благодарить за дружбу Вашу и расположение, с первого дня встречи нашей не забываете меня, а я Вас помнить буду. Вы получите с тверской почтой через Башуцкого¹ обещанное Краевскому воззрение на «Сватанье» Основьяненко². Ей богу нет ни средств, ни досугу переписать; должен, чтобы мало-мальски сдержать слово послать измаранную, черновую рукопись свою, иначе протянулось бы дело еще на неделю... Но не моя вина: работы столько теперь, что только украдкою от самого себя мог делать я это: работа, говорят, не медведь, в лес не уйдет — да казенная работа упырем сидит на шее и не дает покою... Посылаю также и перевод «Солдатского портрета», который понравился Жуковскому и, по его приказанию, доставляется для «Современника»... Не выхожу из дому, даже еще ни разу не был в поле... и ястреба клекотом своим зовут на потеху.

Надеюсь, что писарь ваш разберет чернила... а кто-нибудь, кому времени станет, потрудится перечитать...

Вы получите также башкирские песенки, о которых просил гр. Виельгорский...³

Сделайте одолжение, кланяйтесь душевно Жуковскому; кланяйтесь и Плетневу, Краевскому и всем добрым людям, что помнят меня. Перстень Пушкина, который звал он — не знаю почему — талисманом, для меня теперь настоящий талисман. Вам я это могу сказать, Вы меня поймете: как гляну на него, так и пробежит по мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное. У меня давно на уме уральский роман; быт и жизнь этого народа, казаков, цветиста, ярка, обильна незнакомыми картинками и жизнью — самородою; это заветный уголок, который должен быть свят каждому русскому. Вообразите, например, бал, на котором обще-

ство дам в сарафанах... Это так, на ум взбрело, но это не существенно, не главное, а даст Вам только понятие о том, что здесь все еще в таком виде, как было 300 лет тому назад. Не считайте, бога ради, обязанностью отвечать и будущей почтою на послание мое; как-нибудь, когда будет о чем, напишете, если захотите. Вас теребят и сокрушают недосуги иного разбора, отличные, от которых нас господь избавил. Как хорошо, смирно и тихо живем мы в глуши своей и как сладко дремлем в неведении своем и простоте!

Прощайте; прошу засвидетельствовать почтение мое супруге Вашей, а Вам душевно жму руку, откланиваюсь. Будьте здоровы, дружны и веселы.

В. Даль

Из письма публиковался лишь отрывок о талисмане Пушкина.

Письмо написано на тонкой почтовой бумаге с оттиском рисунка и надписью: «Вид дома в деревне Андреевке Оренбургской губернии».

¹ Башуцкий Александр Павлович (1803—1876) — литератор, журналист, редактор журнала «Иллюстрации», (1847—1849), издатель книги «Наши, списанные с натуры русскими», в которой был напечатан очерк В. Даля «Уральский казак». Предполагается, что Даль с Башуцким познакомился в конце 1836 года. Известно, что, узнав именно от Башуцкого о ранении Пушкина, Даль отправился к умирающему поэту.

² Основьяненко (наст. фамилия — Квитка) Григорий Федорович (1778 — 1843) — прозаик, драматург, поэт, автор исторических и этнографических очерков; писал на русском и украинском языках, автор комедии «Сватання на Гончарівці», повести «Солдатский портрет».

³ Виельгорский Михаил Юрьевич (1788 — 1856), граф, — композитор-дилетант и знаток музыки.

Письма А.А. Краевскому

1 сентября 1837 г. Оренбург.

Спасибо Вам, почтеннейший Андрей Александрович, что отписали ответ; теперь по крайней мере знаю в чем дело. Слушайте: 5-го апреля 1837 года писал я по почте Башуцкому и Одоевскому и известил последнего о посылке моей, а от 6 апреля отправил на имя А.П. Башуцкого, к которому послана рукопись для издания особою книжкою..., отправил русский перевод Солдатского портрета Основьяненко и довольно основательный разбор Сватанья и просил покорно передать Вам или князю В.Ф. На все это не получил ни строки в ответ. Писал Башуцкому вторично, в июне, но также услышал одно молчание. Кажется, посылка пропасть не могла; а разбор Сватанья вторично писать не могу, потому что отправил черновую рукопись, и некогда было переписывать и не хотелось откладывать. Через Башуцкого же, 24-го июля, послал Вам преполитическое стихотворение «Не стыдно ли Вам», которого, вероятно, нельзя будет напечатать.

Когда получу 2-ю ч. Повестей Основьяненко, то потороплюсь написать и прислать требуемое. Ныне у нас разгон был велик. Некогда было почти неделями про себя заняться, так что не успел даже еще отправить Плюшару¹, почтенному и многоуважаемому, десятка два статей на букву Г. Впрочем они почти кончены и переписываются; вот переписка здесь беда... такие все лихие грамотеи, что того и гляди из Луки сделают Акула, все наизнанку вычеркнут. Не знаю, что думать о молчании безответного Башуцкого — если он здоров, то не приберу причины...

Если можно, Андрей Александрович, то пришлите мне о чем просить буду...

Виноват, что нагружаю Вам на шею; право, просить некого, а писать прямо книготорговцам, как мы, губернские жители знаем, чрезвычайно неудобно. Они все большие паны, не допроситься, не домолиться и считаться с ними не дай Бог. Если Вам некогда, то просто оставьте или отложите, лишь бы хотелось:

Русские простонародные предания и суеверия, обряды, Снегирева².

Сочинения Сахарова³ — они мне были подарены им, да, видно, забыл, а хочется, чтоб были.

Подписаться на сочинения Пушкина и на Современник.

Подписаться от имени: Высокобл. Николая Николаевича Дурасова⁴, на соч. Пушкина и на Литератур. прибавл. И выслать и то и другое в Оренбург.

Если возьмете на себя все это, то всенижайше позволяю Вам именоваться впредь моим комиссионером; а получив от Вас расчет, буду благодарить. Если случится Вам

В.И. Даль

Письмо В.И. Даля

зайти куда-нибудь в книжную лавку, то возьмите и пришлите... наставление лечиться гомеопатически, или Русское лечение, как здесь не дают покою, отвечать я обязан, а допроситься и этой книжки, в числе других, не могу.

Повести у меня есть, с четыре, да продолговаты, в Ваш журнал не годятся. Что бы Вам издавать его книжкой? Каждая статья была бы угодна и менее бы были связаны. Спасибо, что обещаете прислать 2-ю часть Основьяненко. Вероятно, получу с тяжелой почтой; по заказу можете обращаться таким образом ко мне смело, все будет исполнено, что смогу, на что станет сил. Хотелось мне прислать Вам попр(авленные?). отрывки из перевода Абулгазия, которого я достал из Бухары писанный экземпляр, вернее печатный...(?) в котором тьма опечаток, да это, кажется, для газеты не идет, будет тяжело и сухо. Можно бы отсюда прислать Вам много повестей о хивинских дикарях, да Азиатский Департамент, кажется, не велит; чего доброго, потянут к допросу, а этого очень не люблю. Пуганый сын и притолока боится.

Затем — прощайте...

В. Даль

Письмо написано на почтовой бумаге с рисунком, указывающим, что это башкирские горы (вершины Малого Кизила) Оренбургской губернии.

¹ Плюшар А.А. (1806—1865) — петербургский книгопродавец и книгоиздатель, издатель «Энциклопедического лексикона» (1835—1841).

² Снегирев И.М. (1793—1868) — этнограф и археолог.

³ Сахаров И.П. (1807—1863) — этнограф, фольклорист, археолог.

⁴ Дурасов Н.Н. — в 1844—1862 гг. предводитель оренбургского дворянства, в 1830-е годы — чиновник императорской канцелярии, прикомандированный к оренбургскому губернатору В.А. Перовскому.

30-го 1837. Уральск¹

Пишу Вам, любезный Александр Андреевич, пишу записочку эту из Уральска, где сидим мы по делам² нашим уже три недели. Пользуюсь отходом фельд-егеря, чтобы поднести Вам да еще кой-кому памятную записку, которую писал по поручению правительства. Если будет время, прочтите ее. Я очень радовался, что попытка моя в этом роде была принята; что пользы писать для народа так, чтобы он ничего не понимал? Конечно, можно бы написать еще живее и проще, но это, вероятно, не понравилось бы, надо было держаться середины.

За что Вы забраковали мой разбор Сватанья? Длиннен или короток, широк или узок? Или опоздал? Досугу не слишком много; нельзя было кончить раньше...

У меня есть кое-что и довольно подготовлено, с пяток повестей и рассказов, да не удосужился пересмотреть и главное — нет переписчиков. Когда вернемся в Оренбург, хотелось бы отправить Вам. А «Не стыдно ли Вам», вероятно, негде было напечатать?

Прощайте, ходите пешком и будьте здоровы.

В. Даль

¹ Уральск — в 1830 г. уездный город Оренбургской губернии.

² «Дела» — очевидно, речь идет об инциденте, который произошел 16—17 июня при посещении Уральска путешествовавшим по России наследником престола (будущим императором Александром II), когда группа казаков пыталась подать ему жалобу о притеснении местных властей. После отъезда высокого гостя наказной атаман В.О. Покатилов оповестил военного губернатора В.А. Перовского об «опасном брожении умов в казачьем войске» и тот прибыл в Уральск с войсками для разбирательства, в котором должен был участвовать и чиновник особых поручений В.И. Даль.

26-го февраля 183 (8?) (Оренбург).

Вот уже и опять ... письменное к Вам послание, почтенный Андрей Александрович, но на этот раз коротенькое и по поводу небольшого поручения: Василий Алексеевич Перовский¹ просит Вас принять на себя труд узнать, действительно ли, по общим слухам, печи Дихта так превосходны, как они описаны у Вас, и если да, то нельзя ли уведомить в двух словах, чего будут стоить подробнейшие чертежи таких печей, так, чтобы каждый архитектор мог по ним их выстроить? Если можно, то исполните это дело общей пользы и в угоду нашего отца и командира.

Василий Даля

Спасибо Вам за обстоятельное письмо Ваше: получил в глуши.

Я знаю по себе, что приятному человеку трудно писать письма в четыре страницы и вообще вести пустую переписку — но тем более благодарен за каждую строку.

Я это время был так занят, что действительно не мог уделить ни одного дня на просмотр написанного мною, теперь надеюсь вскоре прислать Вам кое-что — но мне вот кажется, что у Вас для повестей не будет места. Попробуем.

Вы советуете мне избрать Враского² в комиссионеры; прекрасно — но как понимать совет этот, не знаю; я Враского видел два или три раза у Одоевского, вот все наше знакомство, потому добрый совет Ваш неудобноисполним. Также не понял я, для чего Вы отдали ему деньги от Плюшара; пересылать сюда мне их не нужно, а всего бы лучше отдавать купцу Федору Ивановичу (...?), в Демидовском переулке, в доме Шпекта. Впрочем все равно, делайте как хотите.

Статьи с ученых вечеров наших хотел прислать Вам, едва ли будет можно, потому что мы с Ханыковым³ затеваем издать — если со временем удастся — Оренбургский сборник, в который войдут лучшие статьи с этих вечеров.

Далее надежды замечательных и достойных печати статей было только четыре: генерал-майора Генса⁴, о происхождении кайсаков; Ханыкова, о философии истории; Иванова, о мусульманских школах или медресах и так называемой учености здешних мусульман и наконец, Дьяконова⁵, о раскопках и в особенности об Иргизском монастыре. Я читал им последним вечером довольно длинную повесть Бедовик, которую, выправив, намерен Вам послать. Получил ли Одоевский мое письмо об омеопатии?

Любопытно знать, как теперь «Библиотека» устоит против С.О.⁶ Полевой⁷ умеет занять читателей, особенно в журнале, это его рука. Чай, барон⁸ морщится: это не вкусно.

Не забудьте, пожалуйста, о печях Дихта и уведомьте хоть одной строчкой. Прошайте и сохраните нас в памяти своей до первого свидания.

В. Даль

¹ Перовский Василий Алексеевич (1795-1857), граф, — генерал-адъютант, военный губернатор Оренбургского края в 1833-1842 и в 1851 — 1856 гг.

² Враский Борис Алексеевич (1795—1880) — литературный переводчик, «содержатель» типографии, в которой печатался «Современник» Пушкина, родственник князя В.Ф. Одоевского.

³ Ханыков Яков Владимирович — ученый, занимавшийся статистическим и географическим описанием Оренбургского края.

⁴ Генс Григорий Федорович — председатель Оренбургской пограничной комиссии.

⁵ Дьяконов Александр Никифорович — учитель Оренбургского Неплюевского военного училища.

⁶ С.О. — очевидно, журнал «Сын отечества».

⁷ Полевой — вероятно, Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, журналист, критик, издатель журнала «Московский телеграф», редактор «Сына отечества».

⁸ Барон — О.И. Сенковский, имевший псевдоним «Барон Брамбеус».

4 октября 1838 г. Оренбург

Благовестивым письмом своим, почтенный и любезный Андрей Александрович (вначале было написано Александр Андреевич, затем зачеркнуто и в скобках приписано: «виноват»), обрадовали и утешили Вы меня как нельзя больше. Новости неожиданные и тем более радостные. В самом деле, журналистика наша была в отчаянном положении; по крайней мере издаека на нее глядя, кажется, что каждому доброму человеку надо бы было обходить омут этот и устраняться от всякого сношения с людьми, у которых вместо совести лежит полновесный медный пятак. Теперь я весь Ваш; чем могу служить, рад радехонек, лучшего места я скромным думам и мечтам своим не желаю. У меня найдется готовых три или четыре повести, от 10—15 листов каждая (печатных), и по мере того, как их перепишут, все присылаю. Пришлю также, как только управлюсь, кипу других вещей, сколько наберу. Бедовик и затем Мичман Поцелуев, а потом и Савелий Граб, придут к Вам один за другим и Бедовик скоро, только бы не принести ему Вам беды!

Относительно прочих сотрудников, о которых Вы пишете, дело обстоит гораздо посомнительнее. Ген. (ерал) Генс имел уже несколько раз маленькие неприятности за

В.И. Даль

сведения, которые сообщал другим — Вы знаете, что у него все секрет, даже статистика. География Киргизской степи, Бохары, Хивы и Кокана. Поэтому он решительно ничего печатать не хочет; я буду таскать у него помаленьку, что могу, и извлекать что можно. Но и у меня досугу не больно сколько бы на все это надо. Что можно сделать. Есть у нас еще молодой человек, Нагибин, и от него получите, вероятно, что-нибудь; он будет работать все, на что я ему укажу, человек с головой, и если заплатите ему работу, если найдете, что статьи годны, то помогать Вам будет. Дьяконов — пропадает по пяти и по шести часов в день и человек сверх того хворый; много ли тут остается времени? Между тем я вытерблужу у него статью о раскольниках, статью очень занимательную и любопытную. Ханыков ничего нигде не может печатать, кроме в журнале М(инистерства) Народ(ного) Просв(ещения); вот почему он даже от печатания должен отказаться вовсе.... надеюсь, что вы скоро скажете много чем мало, когда начну вас бомбардировать тетрадами. Много, много любопытного есть в нашем краю; но что прикажете делать, кому охота лезть под обух? Пуганая ворона куста боится, придерутся после ваши, сто-личные, так не рад будешь и печати. Все секрет.

Сделайте на новое знакомство милость, вышлите мне, в счет нашего расчета, книжку Дихта, нам нужно ее непременно. Если позволите, то к вам также явится вскоре кто-нибудь с запиской от меня для получения что будет следовать по расчету за напечатанное уже; будьте так добры, отправьте и направьте его куда будет следовать. Пришлю также поправки для статей Энциклопедического) Лексикона; но в издаваемом ныне я не участник и не пошлю даже того, что уже заготовил. С Сенковским пусть водится Сатана, а не наш брат.

Вы не пишете ни слова, почему не напечатали статью мою об омеопатии; она послана была вам от 26 октября, прошлого года. Я не претендую, но желал бы только знать почему? При случае вы мне это скажете.

Прошайте и будьте здоровы; на будущий год Лит(ературные) Приб(авления) не высылайте; по размышлению пришлите Отеч(ественные) Записки, я первый подписчик.

Бога ради не забудьте книжку Дихта.

В. Даль.

На полях: «П.А. Плетнев писал мне уже, что он в Современнике».

16 мая 1839

Здравствуйте, Андрей Александрович, и живите здорово!

У нас также все по-старому, готовимся в ученую экспедицию, на Арал, а при этом случилось разной работы столько, что я сделался виноватым перед Б.А. Враским, не прислал еще обещанного; прошу сказать ему, что это случилось по действительному недосугу; впрочем, три штуки он скоро получит; переписчики наши набирают по жиденькому листику в день и это также немаловажно...

Отечественных записок я получил доселе только 2-й том; не знаю даже, вышло ли больше, а Вы изволите рассуждать со мною о пятом!

Если увидите гр. Соллогуба¹, то сделайте одолжение, поклонитесь ему и скажите, что отец и командир приказал мне прислать в Альманах статью; и так, если он состоялся и статья моя еще и...годится, то прошу покорно уведомить меня одною строчкою. В то же время получил я разрешение на статью о Красном Яриле; но не знаю, скоро ли успею ее отделать. Не досужно.

Пожмите ручку Одоевскому; поличие² его теперь живьем ходит по улицам Оренбурга и навещает иногда и меня; это Ковалевский³, горный, который был в Черногории и теперь едет в Бохару... славный и красивый человек. Он необыкновенно походит на кн. Одоевского.

За сим прошайте; просите Враского, чтобы он не забыл, если напечатает, раздать экземпляры, кому обещал, моим именем, и прислать мне. Очень скучно живется; почти в первый раз отроду скучаю и томлюсь. Не могу привыкнуть к одинокой жизни своей⁴ и едва ли когда привыкну, забуду прошлое и помирюсь с настоящим.

В. Даль

¹ В.А. Соллогуб (1813—1882) — писатель, воспитанник, как и Даль, Дерптского университета, в 1830-е годы часто бывал у В.Ф. Одоевского.

² Поличие (по Далю) — облик, лик, лицо.

³ Ковалевский Егор Петрович Ковалевский (1809—1868) — горный инженер, писатель, путешественник, автор книги очерков «Странствователь по суше и морям».

⁴ Даль, очевидно, имеет в виду смерть своей первой жены, умершей в Оренбурге в 1838 г.

Из писем В.И. Даля М.П. Погодину

«Радуюсь душевно вашему здоровью, радуюсь также весьма, что вы остаетесь в Москве, у нас были слухи, что вас перезвали к такому делу, от которого нельзя было бы отказаться. Скорблю душевно, что у нас идет все то не от житейских сует и трудностей издания — а от препятствий, убивающих дух. При таких обстоятельствах руки не поднимаются на работу, голова тупеет, сердце дремлет».

«Это первый журнал, в котором есть цвет, краска, видишь, что издатель держался цели, маяка, знаешь, чего искать и ожидать, словом, это завлекает. Знакомить русских с заморьем в таком духе, как вы делаете, знакомить русских с Русью, это предмет, это цель, это задача — и задача достойная. К сожалению, я Шевырева знаю мало; не знаю, как ему покажется, если я осмелюсь высказать, что я думаю и чувствую, читая статью его; но я бы желал, чтобы все, что мне и другим добрым людям удастся написать, было разобрано так. При такой критике всякое самолюбие, всякая личность становится поодаль, в сторону, глядишь на произведение, а не на человека, сердце порывается к истинно прекрасному, парит гораздо выше пресмыкающихся в прахе. Разругай меня в пух на этот лад и строй, и у меня не станет на критика ни одной капли желчи, я с душевным уважением протяну к нему руку. Тут критик и сочинитель в стороне: тут на поприще одно только произведение и олицетворенное искусство, изящное художество. Мы отвыкли от этого ладу. Расхвалить и разругать сделались издавна техническими выражениями нищенской критики нашей в мишурных галунах; критика — царь. Но какого царя нам доселе показывали? Нам выводили на позор царя шпалерного, с короной и державой под сусальным золотом, из-за которого выглядывал, для увеселения публики, балаганный шут, от которого в казарменных представлениях предостерегают зрителей первого ряда скамеек... Если вы прежде заглядывали в журналы, то убедитесь, что во мне не говорит обиженное самолюбие; меня не разругали, сколько знаю и видел по крайней мере, нигде...»

«Издатели Отечественных Записок люди добрые, прекрасные, я с ними давно короток, я готов был принести малые силенки свои им в помощь также охотно, как теперь вам, они платят мне двести рублей за лист, но я отстал потихоньку (между нами!), потому что желудок у меня не варит того духа, который управляет издателями. Сначала я писал к ним, высказал чистосердечно все, что чувствовал и думал, что не идет благомыслящим, благородным людям руководствоваться такими правилами, таким духом: это жалкое подражание барону Брамбеусу, жалкое тем, что оно невольное, бессознательное; не поверили, не могли или не хотели отстать; язык хуже, чем был в Библиотеке; критика — хоть святых выноси; крючки, придирки, личности... Безбожным языком переведенные романы в пять, шесть томов печатаются сподряд — разве это журнал?»

Письма В. Даля Погодину написаны в последние годы пребывания в Оренбурге (1840-1841); опубликованы в 1892 г. Н. Барсуковым, ссылающимся на «Москвитянина», № XI, 1841 г.

В письмах высказано отношение писателя к журналам того времени — «Отечественным запискам» и «Москвитянину», первый номер которого, вышедший 1 января 1841 года и содержащий статьи М.П. Погодина («Петр Великий»), С.П. Шевырева («Взгляд русского на образование Европы»), ставшее знаменитым стихотворение Ф.Н. Глинки о Москве, имел большой успех у читающей публики.

Предисловие и комментарии
Г.П. Матвиевской и А.Г. Прокофьевой